

Лайза Мороз

Шагов Ягненика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лайза Морроу

20 шагов ягненка

«Автор»

2026

Морроу Л.

20 шагов ягненка / Л. Морроу — «Автор», 2026

Анастасия Щелкова — медиум. Один щелчок пальцев — и она в чужом сознании. Её дар — оружие. Её тело — клетка. Её жизнь — чужая. Двадцать пять лет. Десять лет службы. Один человек, который видел в ней не монстра, а дочь. Когда полковник Комаров впадает в кому, Настя остаётся одна. Её обвиняют в покушении. Суд. Приговор. Закрытое медучреждение. Но вместо тюрьмы она попадает в руки того, кто ждал её десять лет. Саша. Мальчик из детского дома. Тот, с кем она рисовала на стекле. Тот, кто поцеловал её впервые. Тот, кто стал Кибер-Дракулой, чтобы найти её. Он предлагает ей свободу. Но свобода ли это, если он построил для неё новую клетку? Романова, которая любила и не была любима. Андрей, который предал брата ради выживания. Роберт Генрихович, который видит в людях только инструменты. И Комаров. Единственный, кто видел в ней человека. Который заплатит любую цену, чтобы спасти её. Двадцать шагов. Двадцать глав. Один финал. Она сделает свой выбор.

© Морроу Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Шаг первый	7
Шаг второй	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

20 шагов ягненка

Пролог

Холодно. Да, я впервые ощутила это всем своим нутром. В тюремной камере как-то тихо. Оно и понятно — меня содержат не в обычной камере общего режима. Снова одиночество. Снова пустота внутри.

«Романова Татьяна Станиславовна, вы обвиняетесь в ряде эпизодов, связанных с делом о краже пяти миллиардов группировкой „кибер-вурдалаков“. А также в вашей тесной связи с главарём этой банды — Кибер-Дракулой. Вы вообще как себя ощущали, когда шли на это? И когда... когда совершили это?» — кричал прокурор на закрытом ведомственном заседании.

Я сидела за решёткой в обычной одежде. Никакого больше капитанского кителя. Теперь лишь тюремная роба. На лице — запёкшийся след от удара. Я даже не шевелилась, когда прокурор зачитывал обвинение.

Мне было плевать.

Я десять лет и так была «исполнительной». Это слово — словно клеймо на всей моей жизни. И клеймил меня тот, кого я полюбила. Или пожалела.

Тогда, в кабинете. Видя его страдания. Слыша тот пронзительный крик. Я до сих пор не понимаю, почему я проявила к нему сочувствие. А он... он оттолкнул меня. Указал на дверь. Велел возвращаться к работе.

Я не стала спорить. Просто ушла.

Если бы тогда... если бы я возразила и осталась. Наплевав на субординацию и взгляды коллег. Возможно... нет, точно. Я бы на это всё не пошла.

После оглашения приговора конвоиры выводят меня из зала. Двери открываются. В коридоре — они.

Мой бывший начальник. Комаров Роман Андреевич. На лице — непроницаемая маска безразличия. И какого-то презрения ко мне.

И она. Щелкова Анастасия Валерьевна. Наш негласный консультант «по особо важным делам». На деле же — выскочка, бунтарка и хамка. Вечно строит из себя кого-то важного. Только потому, что когда-то десять лет назад Комаров решил: эта девчонка «особенная».

И вот на протяжении десяти лет я за этим наблюдала. Из-за неё. Из-за неё он не видел моих чувств. И того, на что я пошла ради него.

Я дёрнулась. Закричала:

— Роман! Я не хотела, чтобы всё так вышло! Умоляю! Клянусь, не хотела! Я люблю тебя!

Комаров тяжело вздохнул. Отвернулся. Подхватил Щелкову за предплечье. Развернул. Повёл в противоположную сторону по коридору.

Настя — в своём репертуаре. Повернулась через плечо. Покрутила пальцем у виска. Ухмыльнулась. Мне. В лицо. В момент моего падения и её взлёта.

Она знала, что я смотрю. И ей было плевать. Она победила. А я — проиграла.

Меня усадили в машину. Повезли в тюрьму.

Я закрыла глаза. Откинулась на холодную металлическую решётку. И снова начала «проживать» события, которые разделили мою жизнь на до и после.

Я знала: Комаров и Щелкова тоже будут об этом вспоминать.

И... Кибер-Дракула. Поганец. Обещал мне, что поможет. А сам в итоге оказался за решёткой. Просто потому, что недосказанности в его случае тоже сыграли против него самого.

Мы все проиграли. Каждый по-своему.

Но я — первая. И, возможно, последняя.

Шаг первый

Восемь утра. Меня, хрупкую блондинку в пижаме с единорогами, скрутили два омоновца прямо в моей квартире. Без кофе, без душа, без возможности объяснить, что сегодня я и так собиралась на работу. Просто чуть позже.

Наручники, чёрный фургон, и вот я уже в коридоре спецслужбы. В розовых тапках. С запахом перегара, которым можно дезинфицировать оперативный отдел. Коллеги провожали меня взглядами, в которых смешались ужас и привычка. Я улыбнулась им всем своей самой искренней, сонной улыбкой и пожелала доброго утра. Потому что, если я здесь, значит, у них всех сегодня будет очень хреновый день.

Меня завели в кабинет полковника Комарова и толкнули вперёд. Лбом я встретила дверной косяк — ритуал соблюден.

— Садись, — буркнул Комаров, кивая на стул.

Омоновец снял наручники. Я потёрла запястья, демонстративно вздохнула и закатила глаза. Теперь можно и поговорить.

— Нельзя было позвонить? — спросила я. Голос звучал ровно настолько обиженно, чтобы полковник чувствовал себя виноватым. Он не чувствовал.

— Ещё бы ты отвечала на звонки, — огрызнулся он. — Так быстрее.

— Дверь мне теперь кто ставить будет?

Он молча бросил на стол связку ключей. Одну. Я подняла бровь.

— Чтобы я не выбивал, — пояснил Комаров, не глядя на меня.

Я покрутила локон — пришла пора поработать обаянием.

— Ну я же у вас одна такая.

Полковник поморщился так, будто я предложила ему выпить из моей кружки.

— И слава богу.

Мы обменялись любезностями. Утренний ритуал завершён. Теперь можно работать.

Я заметила на диване у стены мужчину. Дорогой костюм, начищенные ботинки, белая рубашка, лососевый галстук. Около сорока, спортивный, выше среднего. Трёхдневная щетина, потерянный взгляд, и — знакомый запах перегара. Комаров не пьёт по утрам, значит, клиент.

Мужчина поднял на меня глаза. Во взгляде читалось: «Вы — моя последняя надежда». Я заерзала на стуле. Такие взгляды обычно означают, что простым делом тут не пахнет.

— Это Андрей Смирнов, глава «Инфопротекта», — представил его Комаров. — Занимаются информационной безопасностью.

— Анастасия Щелкова, — кивнула я.

— Можно просто Андрей, — уточнил он. Голос тихий, басовитый.

— Хорошо, Андрей. Вводите в курс.

Комаров раскрыл папку. Жёлтые корочки, плотные листы — стандартный набор для большой беды.

— Неделю назад, группа хакеров под названием «кибер-вурдалаки» взломала базы «Инфопротекта». Выгрузили коды защиты, которые используют российские банки, — он сделал паузу. — Пять дней назад со счетов пяти крупных банков исчезло пять миллиардов рублей.

— Ого, — я присвистнула. — Нехило затарились.

Смирнов дёрнул уголком губ — ни улыбки, ни возражения.

— Программисты, которые писали эти коды, после ограбления пропали, — продолжил Комаров. — Мы предполагаем, что их завербовали или похитили.

— Не выходили на связь, не появлялись на работе, — добавил Смирнов. — Родственники ничего не знают. Я опасюсь, что готовится новый удар. Поэтому я лично пришёл просить помощи.

Комаров посмотрел на меня поверх очков. Тяжёлый взгляд — я знала этот взгляд.

— Щелкова, твоя задача: найти программистов. Внедриться в сознание одного из них, понять, где их держат. И вычислить главаря. Кибер-Дракулу.

— Кого? — я нахмурилась. Смешное имя, но смеяться почему-то не хотелось.

— Глава сайта «Вурдалаки.ру», — уточнил Смирнов.

— Крутое погоняло, — сказала я без улыбки.

— Щелкова, соберись, — голос Комарова стал жёстче. — Здесь всё по делу. Приведи себя в человеческий вид и спускайся в аппаратную. Тебя уже ждут.

Я взяла папку, встала. На секунду задержалась, глядя на Смирнова. Он сидел, сцепив пальцы, и смотрел в пол. Запах перегара и отчаянья. Мне стало неуютно — я знала это чувство. Перед тем как влезть в чужую голову, оно всегда появляется.

— Была рада знакомству, — кивнула я Смирнову, потом перевела взгляд на Комарова. — Я пошла?

— Иди уже.

Я вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь. Пять миллиардов за неделю. Да уж. Кто-то явно не ведает слова "совесть". Впрочем, не моя работа судить — моя работа влезать в чужие головы.

Лифт, два этажа вниз, раздевалка. Там меня уже ждала капитан Романова — Танюха. Мы с ней не друзья, но друг друга терпим. Строгая, нудная, до ужаса скучная. Лет на пять старше, высокая брюнетка с каре. В форме офицера, с телесными колготками и туфлями. Будь она чуть глупее, стала бы моделью. Но она — капитан.

Я подошла к ней вплотную, набрала воздуха и на выдохе пропела:

— Доброе утро, товарищ капитан.

Её очки запотели от моего дыхания. Танюха поморщилась, протянула мне одежду и ушла. Как всегда.

Душ, чистая рубашка, брючный костюм. Всё на месте, кроме туфель. Чёрт. Придётся идти в аппаратную в розовых тапочках. Надеюсь, Смирнов не будет пялиться. Он будет пялиться.

Аппаратная состояла из двух комнат: в одной — приборы, во второй — моя кушетка и кресло для врача. Между ними — прозрачная перегородка, чтобы наблюдать, как я превращаюсь в овощ. Красота.

Я легла. Комаров подошёл с прозрачным стаканом. Фиолетовая жидкость.

— Пей. Укрепляет нервную систему.

Я залпом осушила. На вкус — черника и ещё что-то химическое. В желудке разлилось тепло.

Комаров протянул мне фотографии. Три парня. Все не старше тридцати. Я пролистала, задержалась на худощавом рыжем в чёрной толстовке.

— Это Руслан Трофимов. Ведущий программист, — пояснил полковник.

— Хорошо. Начнём с него.

Меня подключили к приборам. Комаров и специалист вышли. Я осталась одна. Взяла фотографию, поднесла к лицу. Сосредоточилась на его глазах. Между нами — только этот кусок бумаги. Сердце забило чаще. Края снимка расплылись. Я щёлкнула пальцами.

Провал.

Тишина. Темнота. Я ищу его сознание, но вместо него — пустота. Ничего. И вдруг из темноты на меня летит белый силуэт. Он пронзает меня насквозь. Холод. Такого не было никогда.

Я пытаюсь пошевелиться — не могу. Руки и ноги чужие. Я вкопанная. Пытаюсь крикнуть — горло перехвачено. Паника накатывает липкой волной. Держись. Ты не можешь сорваться здесь.

И тут земля уходит из-под ног. Я падаю во тьму. Меня тащит вниз, как в водоворот.

Я прикусила язык. Изо всей силы. Вкус крови — горячей, солёной — вернул меня к реальности. Я щёлкнула пальцами.

Очнулась на кушетке. Надо мной склонились лица. Комаров — глаза круглые, как у совы. Танюха — блее бумаги. Врач вытирает лоб. Смирнов трясётся так, будто я сейчас в него вселюсь.

Я провела рукавом по губам. Кровь. Прокусила язык. Господи, что это было?

— Ты как? — Комаров схватил меня за руку. — Ладони ледяные.

— Полковник, — я сглотнула, — что произошло?

Романова шагнула ближе. Голос тихий.

— Агент, у тебя не было пульса почти десять минут. Мы думали, ты умерла.

Я смотрела на неё и не верила. Врач заново заводил моё сердце. Моё сердце. Которое сейчас бьётся так, будто хочет выскочить из грудной клетки.

Комаров сжал мою ладонь.

— На сегодня всё. Отдыхай. Тебя отвезут домой

Я уже начала подниматься с кушетки, когда в аппаратную вбежал следователь. В руках — листок, на лице — паника.

— Нашли программиста «Инфопротекта». Мёртв. Только что сообщили.

Комаров выхватил бумагу. Смирнов подошёл вплотную, они прочитали вместе. Я смотрела на их спины и уже знала, кого нашли.

— Руслан Трофимов? — спросила я.

Комаров обернулся. Взгляд тяжёлый.

— Да. Ты пыталась войти в сознание мёртвого человека. Поэтому твоё сердце остановилось.

Он помолчал, потом взял себя в руки. Жёстко, по-военному, как всегда в кризис.

— Капитан Романова, проверьте все происшествия за неделю. Остальных программистов найти — живыми или мёртвыми. Приоритет — живыми. Агента Щелкову к делу не подпускать, пока не убедимся, что цели в сознании.

Танюха кивнула и вышла со следователем.

Смирнов шагнул вперёд.

— Я могу помочь?

Комаров даже не повернулся.

— Поезжайте на работу. Мы свяжемся.

Смирнов понял. Собрался и вышел. Комаров проводил его взглядом, потом посмотрел на меня.

— Настя, отдыхай. Врач тебя подлатает. Завтра — по новой, но осторожно.

Врач сделал укол. Тёплая волна разлилась по венам. Я поднялась, поблагодарила и вышла из аппаратной. Голова кружилась, но жить хотелось.

На улице меня ждала чёрная тонированная машина. Водитель — в кепке, очках, руках — уже завёл мотор. Я села сзади, поздоровалась. Он кивнул. Я заметила, как он мельком глянул на меня в зеркало заднего вида. Ухмыльнулся.

Странно.

Мы поехали. Первый светофор. Я скользнула взглядом по его руке на руле — и замерла. Часы. Дорогие. Те самые, что я видела у Смирнова. Штатный водитель спецслужбы такие не носит.

Я постаралась дышать ровно. Паника — плохой советчик. Я только что пережила клиническую смерть, и умирать второй раз за день не хотелось.

— Говорят, спецслужба обзавелся личным медиумом, — начал он, не оборачиваясь.

— На заборе тоже много пишут.

— А вы всегда такая резкая?

— Только когда не выплусь.

Он хмыкнул и замолчал. Я отвернулась к окну. Город проплывал мимо — машины, люди, остановки. Я любила смотреть на них, додумывать их жизни. Так я отключалась от своей. Сегодня это особенно пригодилось.

Мы подъехали к моему дому. Он вышел, открыл мне дверь. Высокий, спортивный, в чёрной куртке и белых кроссовках с дурацкими шнурками. Лица не разобрать — кепка, очки.

— Проводить? — спросил он. — До кровати.

— Спасибо, не надо.

— Как скажете.

Я пошла к подъезду. Уже у машины он крикнул:

— Классные тапочки!

Я остановилась. Посмотрела вниз. Розовые, пушистые. Боже. Я проходила в них весь день. И он знал, что я была в аппаратной. Значит, знал, кто я.

Я не стала отвечать. Зашла, поднялась на лифте, открыла новую дверь — Комаров не соврал. В квартире пахло едой. На кухне стояли контейнеры. Я разогрела, переоделась и села за ноутбук.

«Вурдалаки.ру».

Запрос выдал сотни ссылок, форумов, обсуждений. Общество существовало полгода, но никто не знал, кто там. Полиция — ноль. Спецслужба — в тупике. Именно поэтому Комаров втянул меня.

Я листала страницу за страницей. Всё анонимно, всё зашифровано. Ни одного имени, ни одного лица. Попасть в общество — почти невозможно. А значит, чтобы найти Кибер-Дракулу, мне придётся лезть в голову кому-то изнутри.

Вопрос: как найти его, если никто не знает, кто они?

Я закрыла ноутбук. Откинулась на стул. За окном темнело.

И вдруг я вспомнила: часы водителя. Те же, что у Смирнова. Может, совпадение? Может, нет.

Я снова открыла ноутбук. И вбила в поиск: «Андрей Смирнов часы».

После трёх часов в интернете я размялась и вспомнила про флешку. Комаров дал мне доступ к базе данных спецслужбы — дистанционно, для работы. Я знала, что он велел отдыхать. Но я же Щелкова.

Флешка нашлась в рюкзаке. Я воткнула её в ноутбук, ввела логин, пароль. База открылась. Я вбила «кибер-вурдалаки».

Отчёты полиции — однотипные: потерпевшие хранили деньги в банках, которые пользовались софтом «Инфопротекта». Интересно, почему Смирнов так долго молчал? Видимо, хотел уладить тихо. Не вышло.

Внезапно — письмо на электронку. От неизвестного: «Хотите взломать любой банковский счёт за символическое вознаграждение? Могу помочь».

Вот они. Я переслала письмо лейтенанту Прохорову, нашему кибербезопаснику. Он пробил адрес за полчаса: отправитель жил в соседнем ЖК. Я ответила незнакомцу, что заинтересована. Он прислал скриншоты взломанных счетов — фамилии потерпевших совпадали. Он был одним из них.

Я согласилась на взлом. Он прислал ID криптобиржи. Верификация давала доступ к личности. Прохоров взломал почту незнакомца — тот оказался студентом Алексеем Крестовским.

Я нашла его фото. Худощавый, каштановые волосы, голубые глаза. В сети недавно — жив. Значит, можно внедриться.

Я легла на диван, сфокусировалась на его лице и щёлкнула.

Провал.

Голова кружилась и болела. Я очнулась в тёмной комнате, завешанной плотными шторами. С трудом сфокусировала взгляд и начала разглядывать обстановку.

Шкаф-купе, двухспальная кровать — не заправленная, вещи разбросаны по всей комнате. Большой компьютерный стол: клавиатура с раздражающей цветной подсветкой, мышь, сабвуфер, кружка с остывшим кофе, тарелка с заветренным бутербродом. И моя голова, которая лежала прямо на столе. Видимо, Алексей отключился за компьютером.

Я опустила голову и увидела под столом системный блок и кучу пустых банок из-под энергетиков. Он явно проводил за компьютером почти всё время и практически не спал.

Я встала из кресла — тело слушалось с трудом, ноги затекли. Подошла к окну, раздвинула шторы, открыла форточку. Свежий воздух ударил в лицо. Я сделала несколько глубоких вдохов и направилась к выходу из комнаты. Нужно умыться и прийти в себя.

Алексей жил в трёхкомнатной квартире — судя по тишине, родителей не было. Я зашла в ванную, умылась, почистила зубы, расчесалась, сбрила отросшую бородку и намазала лицо лосьоном после бритья.

Ну вот, теперь хотя бы на человека похож. Почти.

У Алексея был поникший взгляд и тёмные круги под глазами. Он выглядел истощённым. Я сняла серую футболку и кинула её на кафед. Тело Алексея оказалось бледным, с торчащими от недоедания рёбрами и впалым животом. Руки были почти прозрачными — я видела, как по венам пульсирует кровь. Зачем же он так себя доводит?

Я вернулась в комнату, чтобы найти чистую футболку. Открыла шкаф — на меня упал ком одежды. Да уж, порядок он явно не любит. Порывшись, нашла более-менее чистую чёрную футболку и надела. Так лучше.

Я направилась на кухню — попить чай. Выходя из комнаты, услышала звонок телефона. Оповещение из мессенджера. Надо найти его.

Я вернулась, включила свет и ужаснулась. Комната была настолько грязной и пыльной, как будто в ней никогда не убирали. Ладно. Я здесь не за этим. Меня это не касается.

Я подошла к кровати, смахнула одеяло — на пол упал телефон. Подняла, разблокировала. Благо, на телефоне был датчик распознавания лица — не пришлось искать пароль.

Оповещение было из мессенджера: напоминание о видео-звонке с Кибер-Дракулой и всеми кибер-вурдалаками. Внизу — указание о соблюдении конфиденциальности. Необходимо надеть чёрную мантию и маску на глаза. Звонок назначен на полночь. Через пятнадцать минут.

Я оглядела комнату. Мантия и маска в этом хаосе — задача не из простых. Я порылась в телефоне и нашла в заметках запись: мантия и маска лежат в компьютерном столе. Видимо, Алексей и сам перестал что-то находить в собственном беспорядке. Я достала из ящика мантию и маску, положила на стол.

«Я не сужу человека», — говорила я себе. — «Не сужу».

Затем я разблокировала телефон и начала лазать по приложениям. Понятие личных границ мне не знакомо. Я утешаю себя тем, что делаю это для расследования. И не влезаю в те места, которые не имеют отношения к делу. Даже косвенного.

Алексей оказался замкнутым парнем. Мало с кем общался. Девушки не было. Почти всё время проводил либо дома за компьютером, либо на парах. Я прошерстила все его соцсети — ничего подозрительного.

Кроме одной переписки.

С преподавателем. Какой-то взрослый мужик набивался к нему в друзья. Зачем? Я не стала вчитываться, но сделала пару скриншотов — в том числе с контактами преподавателя. Его звали Никита Смирнов.

Знакомая фамилия.

Я задумалась. Смирнов. Как Андрей Смирнов из «Инфопротекта». Совпадение? Возможно. Я отправила себе скриншоты на электронную почту и удалила исходящие. Осторожность не помешает.

Положила телефон на стол и пошла на кухню.

Живот сильно крутило — парень явно не ел. В холодильнике нашлась кастрюля с супом. Я налила себе тарелку, поставила разогреваться. Пока грелся, порезала бутерброды и сделала кофе. На приём пищи было десять минут.

Суп оказался ничего. Куриный, с овощами и зеленью. Я такой сама варю. Раз в полгода. Желудку Алексея суп пришёлся по вкусу.

И тут входную дверь начали открывать ключом. Я насторожилась. Дверь открылась, кто-то зашёл. Я сидела на кухне, стараясь не двигаться.

— Сынок, я дома, — раздался женский голос из коридора.

Мама Алексея. Я выдохнула.

Женщина средних лет, в брючном костюме, с низким пучком на затылке, зашла на кухню. Уставшая, бледная, дневной макияж потерял свежесть. Она подошла к холодильнику, достала бутылку вина. Открыла, сделала жадный глоток прямо из горла. Затем взяла бокал и налила до краёв.

— Будешь? — спросила она.

Я покачала головой.

— Как хочешь.

Она направилась в спальню, но в дверях остановилась.

— Ну, и как тебе суп? — спросила она, отпивая из бокала.

Я подняла глаза и сделала голос равнодушным:

— Достаточно неплохо. Спасибо.

Она улыбнулась и подошла обнять меня. Неожиданно. Я не люблю, когда меня трогают. Но это не меня — это Алексея, а она его мама. Я обняла в ответ и чмокнула в щеку. От неожиданности её щёки порозовели, голубые глаза заблестели.

— У тебя взгляд поменялся, — заметила она, вглядываясь в мои глаза.

— Тебе показалось. Это из-за света, — я кивнула на лампочку.

— Нет, я знаю глаза своего сына. Это не ты.

— Мам, ты заработалась. Иди присядь, отдохни.

Я отмахнула её руки с плеч. Грубо, чтобы она отстала.

— Лёша, у тебя мои глаза. Голубые. А сейчас они серые.

— Мам, я просто много сидел за компьютером. Хватит лезть ко мне. Мне нужно готовиться к парам.

Я встала из-за стола и прошипела эти слова так сухо, как могла.

— Хорошо, — ответила она безразлично, но я видела, как дрогнули её губы. — Не буду мешать.

Она взяла бокал и вышла.

Я перевела дыхание. Меня впервые почти раскрыли. Обычная женщина — мать. Она почувствовала подмену просто по взгляду. Значит, у матери и ребёнка действительно сильная связь. На бессознательном уровне. Нужно быть осторожнее.

Я собрала посуду, поставила в раковину и вернулась в комнату. На часах — без двух минут полночь. Я закрыла дверь, села за компьютер, надела маску и мантию.

Ну прямо вылитый сектант. В таком образе я ещё не была.

На мониторе началась загрузка видео-звонка. Я включила камеру и микрофон и приготовилась ждать.

Появились четыре чёрных окошка. Алексей был записан как «кибер-лорд». Потом подгрузились: «кибер-князь», «кибер-граф» и «кибер-Дракула». Все в мантиях и масках. Лиц не разобрать.

Кибер-вурдалаки приветствовали друг друга кивками. Затем Дракула заговорил.

Его голос показался мне знакомым. Низкий, с хрипотцой. Но где я его слышала?

— Приветствую вас, братья-вурдалаки, — начал Дракула.

— И мы приветствуем тебя, брат-вурдалак, — почти синхронно ответили все.

— В первую очередь хочу поздравить всех с удачной операцией по взлому банковских счетов, — гордо сказал Дракула. — Спецслужбам только чудо поможет раскрыть это дело и найти нас.

«Про чудо — это ты в точку», — подумала я и ухмыльнулась. Хорошо, что у спецслужбы есть это чудо. Я.

Я ещё сильнее захотела поймать их. Особенно Кибер-Дракулу — этого тщеславного типа, который считает себя самым умным и неуловимым.

Спустя десять минут самовосхваления Дракула продолжил:

— Братья-вурдалаки, — он сделал паузу. — Нам необходимо собраться для обсуждения плана захвата информационного пространства и банковских данных по всей стране.

— Господин, — обратилась я, — что за план?

— Дорогой Лорд, терпение, — осадил меня Дракула.

— Господин, мы все в предвкушении и готовы служить тебе, — сказал кибер-лорд.

— Братья, — Дракула обвёл взглядом всех, — встретимся завтра в полночь на заброшенном заводе «Металлкомп» за городом. Все указания получите на месте. На этом наша встреча подходит к концу. Всем быть готовыми.

— Да, господин, — ответили кибер-вурдалаки.

Дракула вышел из сети. Через мгновение отключились и остальные.

Я выдохнула. Есть. Теперь у меня есть информация.

Я вышла из сети, легла на кровать, сконцентрировалась на своём теле и щелкнула пальцами.

Очнулась в своей квартире на диване. Голова раскалывалась. Я полезла за телефоном — на экране горело оповещение о пропущенном звонке от Комарова. Видимо, он что-то почувствовал.

Он вышел из сети. Я выдохнула. Есть.

Я вернулась в своё тело, схватила телефон. Комаров звонил — я перезвонила.

— Командир, я знаю, где они встречаются. Завтра, полночь, «Металлкомп».

— Откуда информация?

— Если скажу — будете орать. Просто послушайте и не перебивайте.

Я рассказала всё. Комаров молчал. Потом сказал:

— Щелкова, когда-нибудь ты меня до инфаркта доведешь. Завтра я заеду, всё расскажешь. Больше без самовольностей.

— Обещаю.

Я держала пальцы крестиком. Он не видел.

Утром (точнее, вечером) меня разбудил Комаров — сидел рядом на диване и улыбался, стукнув меня бумагами по лбу.

— Доброе утро, Щелкова. Точнее, вечер.

Я проспала почти сутки. Привела себя в порядок, выпила кофе, съела сэндвич. Комаров слушал мой рассказ и делал заметки.

— Тело Руслана Трофимова нашли на том самом заводе, — сказал он. — Сторож видел чёрный седан, выезжающий с территории. Мы накроем их сегодня.

— Я с вами?

— Нет. Сиди дома. Я позвоню.

Он ушёл. Я осталась ждать. Сериал, успокоительное, сон.

Мне снилось пламя. Я горела. Тот самый костёр, в котором сгорел отец. Я знала этот огонь с детства. Я не кричала, не звала на помощь. Я сидела в центре, прижимала колени к груди и закрывала глаза.

«Умереть во сне — не самая плохая смерть».

Пламя погасло. Тьма. И в этой тьме появилась Романова. В белом, как саван, без очков. Глаза пустые, как у куклы. Она смотрела на меня с той же ледяной улыбкой, с какой раздавала приказы.

— Ты могла быть мной, — сказала она. — Но ты выбрала быть собой. Ты думаешь, что ты особенная. Но ты такая же, как я. Просто игрушка. Просто удобный инструмент. Разница только в том, что тебя можно выключить.

Она протянула руку — в ней наручники. Я проснулась.

Но не от кошмара.

От того, что эти же наручники — настоящие — защёлкивались на моих запястьях.

Романова стояла надо мной. В чёрных очках. С оперативниками за спиной. В дверях — соседи, выглядывающие с ужасом.

— Щелкова Анастасия Валерьевна, — голос ровный, как в протоколе, — Вы задержаны по подозрению в покушении на убийство полковника Комарова Романа Андреевича.

Я смотрела на неё и слышала эхо сна: «Просто игрушка».

— Как здорово, — сказала я, глядя ей прямо в лицо. — У меня как раз не было планов на вечер. Танюха.

Она молчала. Но я видела, как дёрнулась её скула. Она ненавидит это прозвище. А я ненавижу то, что она права.

Мне надели на голову чёрный пакет. Двое оперативников взяли меня под руки.

— Мы доставим тебя в отдел, — сказала Романова. — Там будет допрос.

— Обожаю допросы, — ответила я из-под пакета. — Особенно когда я не знаю, в чём меня обвиняют.

Шаг второй

Настя попала в детский дом в раннем возрасте. После того, как её отец, основатель секты «Прислужники тьмы» Валерий Щелков, устроил пожар в собственной общине. Огонь унёс жизни двадцати человек, включая самого Щелкова. По загадочным обстоятельствам выжить удалось только маленькой пятилетней девочке с длинными пшеничными волосами и серыми глазами.

Причина пожара так и осталась неизвестной. Дело закрыли, всю вину списав на мёртвого отца.

Родственники Насти отказались брать её под опеку. Все как один боялись девочку и говорили, что она — «дитя тьмы». Пришлось ей расти в детском доме до самого совершеннолетия.

Никто не захотел её удочерить. Хотя Настя была тихой, спокойной и молчаливой. Однако что-то отталкивало от неё людей. Даже воспитатели и дети побаивались девочку. У Насти был очень тяжёлый, пронизывающий взгляд — создавалось ощущение, что она смотрит сквозь человека. Её серые глаза будто сканировали собеседника.

Иногда девочка могла, только взглянув на человека, почувствовать его настроение. Из-за детской наивности она бежала к людям, бросалась в объятия. Искренне. Ей хотелось поделиться с ними светом, который прятался у неё внутри. Но люди не понимали и не разделяли её желания. Они отталкивали девочку, ругались на неё.

«Не надо так делать!», «Прекрати!», «Отойди!», «Отстань!» — Настя постоянно слышала это. Но свет внутри неё не гас и хотел вырваться наружу. Она не знала, что с этим делать.

Тогда она сидела ночью на подоконнике в туалете и тихо плакала, утирая слёзы рукавом розовой пижамной кофты. Так продолжалось несколько лет. До тех пор, пока Настя не начала тушить этот свет внутри себя тьмой.

В отличие от света, который люди не хотели принимать, тьму они заметили сразу. Глаза у Насти стали тёмно-серыми и больше никогда не знали слёз и сострадания.

«Я больше никогда и ни к кому не подойду и не помогу», — дала себе обещание девочка.

Настя сжала кулаки и направилась в туалетную комнату. Закрыла дверь, подошла к умывальнику и посмотрелась в зеркало. Затем подняла кулак и ударила в своё отражение. На зеркале образовалась трещина. По руке Насти побежала кровь.

«Больше никакой пощады», — сквозь зубы, с болью и комом в горле, пообещала она себе.

Настя промыла руку и вышла.

Тьма стала лучшим другом Насти. Девочка много времени проводила в одиночестве, не играла и не общалась с другими детьми. От постоянных размышлений и общения с тьмой она

часто спала и быстро переутомлялась. Настя старалась не показывать другим, что она особенная. Делала всё так же, как и остальные дети.

«Нам не нужно привлекать к себе внимание», — говорила ей тьма.

Настя покорно слушалась.

Спустя пять лет жизни в детском доме тьма решила, что Насте пора принять её дар. Девочка стала сильным медиумом. Теперь она могла по щелчку пальцев внедряться в головы людей и делать там всё, что пожелает. Об этом даре тьма рассказала Насте во сне. Девочка долго не могла поверить, но ей так хотелось, чтобы это было правдой. Понемногу она стала ощущать своё могущество.

Одним летним июльским днём Настя и другие дети после обеда играли во дворе детского дома. Настя сидела в беседке и наблюдала за игрой. Она представляла, как сама бежит, кричит, улыбается, радуется, общается на равных. Затем ей стало грустно. Девочка опустила голову, закрыла глаза. Слегка всхлипнула и вытерла упавшие слёзы.

«Настя, ты на людях, не показывай слабость», — шептала тьма.

Девочка кивнула и успокоилась. Она понимала: тьма не будет дружить со слабыми и плаксивыми. Внутри Настя почувствовала жар пламени. И это чувство ей понравилось. Тепло внутреннего огня согревало и делало её сильной.

Внезапно Настя услышала детский крик. Она обернулась и увидела, как трое мальчишек лет двенадцати-четырнадцати тащили в кирпичный сарай девочку. Та вырывалась и кричала. Другие дети тоже заметили, но сделали вид, что так и надо. Один из мальчишек сбил кирпичом замок с дверей. Деревянные створки, покрашенные синей краской, открылись, и они зашли внутрь. Один остался «на шухере».

Внутри Насти уже пылало пламя. Она начала осматриваться. Взгляд упал на окно кабинета директора, которое выходило прямо на сарай. Настя подняла камень и последовала к окну. Она шла уверенно, не оглядываясь.

Стоявший у сарая мальчик заметил её:

— Эй, ты, что тебе надо?

Настя улыбнулась, повернулась к окну, замахнулась и со всей силы бросила камень. Окно разбилось, камень влетел в кабинет. Послышался звон битого стекла. На звук выбежали двое парней с расстёгнутыми штанами и побежали к забору. За ними, обескураженный, с круглыми глазами, побежал третий.

Настя воспользовалась моментом и быстро побежала в сарай. Там на земле, вся поцарапанная и взъерошенная, лежала девочка лет десяти. Её футболка и шорты были порваны. На лице — разбитая верхняя губа, из носа текла кровь. От слёз и страха её глаза были не голубыми, а синими. Видно было, что она уже приняла свою участь и не думала, что кто-то придёт на помощь.

Настя смотрела на неё и едва сдерживала слёзы.

— Быстрее, бежим, пока заведующая не пришла! — крикнула Настя, помогая девочке подняться.

Девочка покорно кивала. Они крепко взялись за руки и выбежали из злополучного сарая.

Девочки побежали в туалет. Настя зашла первая, проверила, есть ли кто внутри, затем впустила вторую и закрыла дверь.

— Как тебя зовут? — спросила девочка, смывая с лица кровь и слёзы.

— Я Настя. А ты?

— Маша.

— Очень приятно, Маша.

— Спасибо, ты спасла меня.

— Да ладно, всё нормально.

Маша крепко обняла Настю. От неожиданности Настя растерялась и не знала, что делать. Маша положила голову ей на плечо. По их телам прошло приятное тепло. На несколько секунд они закрыли глаза и стали одним целым. Им обоим так этого не хватало. Настя провела рукой по спине Маши.

Вдруг в туалет зашла воспитательница и увидела эту картину. Минутная пауза конфуза и непонимания. Девочки разошлись и молча последовали в свои комнаты. Воспитательница смотрела им вслед, потом громко засмеялась.

Эта ситуация сплотила девочек. Настя и Маша стали подругами. Настя перестала вести постоянные разговоры с тьмой. Внутри снова загорелось яркое, тёплое пламя, которое зажгла дружба.

Девочки были не разлей вода. Много времени проводили вместе, делились откровенным.

— Знаешь, Маш, я никому раньше этого не говорила, — растерянно начала Настя. — Но у меня есть ещё одна подруга.

— Не заметила, — ответила Маша.

— Она невидимая.

— Как это? — нахмурилась девочка.

— Она здесь, — Настя взяла руку Маши и приложила к своей груди.

— Здесь твоё сердце, — с умным видом сказала Маша и убрала руку.

— Думай как хочешь, — фыркнула Настя, обняв себя.

Её задел тот факт, что Маша не восприняла всерьёз её слова. Но она не придавала этому значения. Что, конечно, было зря.

Спустя полгода в детский дом приехал мальчик лет четырнадцати. Его звали Саша. Он был опрятно одет, носил очки в прямоугольной оправе, каштановые волнистые волосы аккуратно зачёсаны на левый бок. Передвигался уверенной походкой, хотя неуверенность и страх неизвестности часто мелькали в его голубых глазах. Казалось, Сашу сюда привезли по ошибке. С виду — ребёнок из интеллигентной семьи. Почему же он здесь?

Когда воспитатель вёл мальчика по коридору, все дети обратили на него внимание. Перешёптывались, тыкали пальцами, ехидно хихикали в спину. Саша изредка оборачивался и бросал быстрый взгляд на детей. Тогда-то среди них он первый раз и увидел Настю.

Он так засмотрелся на девочку, что не заметил, как лбом ударился об дверь кабинета заведующей, чем вызвал смех у всех детей. Он потер лоб рукой, затем ещё раз повернулся в сторону Насти и улыбнулся. Девочка хихикнула в ответ.

Казалось бы, вот она — первая, настоящая, детская любовь. Настя и Саша сразу запомнили друг друга. Однако им не удавалось видаться во внеучебное время. Когда другие дети выходили на перемену и могли общаться, Сашу всегда закрывали в кабинете заведующей, запрещая любые контакты.

Однажды в обед Саша сидел в кабинете и смотрел в окно. Он рисовал на стекле невидимые узоры, которые его завораживали. Водя тёплым пальцем по прохладному стеклу, он не думал, что кто-то обратит на них внимание. Но к окну с противоположной стороны подошла Настя.

Саша посмотрел прямо в её серые, глубокие и печальные глаза. Настя слегка наклонила голову и поставила палец на стекло. Саша сделал то же самое. Вместе они стали рисовать только им известный узор. Они смеялись, когда им казалось, что рисунок приобретает странную форму. Но когда их пальцы соприкоснулись с разных сторон стекла, между ними возникло странное, приятное притяжение.

Настя смотрела в глаза Саши и видела в них то самое чувство надежды и защищённости, которое, как ей казалось, она испытывала от зрительного контакта с отцом.

Мимо проходящая Маша заметила между двумя подростками прорастающее чувство влюблённости. Ей это не понравилось. Внутри кольнуло — ревность.

Маша глубоко вздохнула, глядя на счастливых и весёлых ребят.

«Это их первый и последний раз», — поклялась она себе, пнув рядом лежащий камень.

На следующий день Настя почувствовала неладное. Сработала её интуиция. Она не хотела идти в столовую, но Маша уговорила. Доверившись подруге, Настя последовала за ней.

Это был её последний день в детском доме. Место, где она обрела друга, влюбилась и впервые использовала свою силу.

Девочки зашли в столовую, где уже собрались дети и воспитатели. Саша сидел отдельно от всех, рядом с воспитателем. Увидев Настю и Машу, он привстал и помахал. Настя заметила и помахала в ответ, улыбнувшись.

Маша проигнорировала жест Саши и отвернулась.

— Что с ней такое? — думала Настя, глядя на опущенные глаза подруги.

Девочки взяли тарелки с супом и направились к столу. Внезапно Настя споткнулась и упала лицом вниз. Суп пролился на пол и на её кофту.

Она не успела подняться, как с двух сторон к ней подлетели девочки и начали бить ногами. Среди них была и Маша. Она не пинала, а с наслаждением наблюдала.

Настя подняла голову и посмотрела на неё — непонимающе, растерянно. Потом опустила голову и заплакала.

— За что? — закричала она во всё горло. — Что я сделала вам всем?

Ответа не последовало.

Настя лежала на полу, закрывая голову руками. Удары сыпались со всех сторон. Но больше всего был взгляд Маши — холодный, торжествующий.

И в этот момент внутри Насти что-то оборвалось. Свет, который она так долго хранила, погас. Вместо него пришла тьма. Тёплая, родная, обещающая силу.

Настя подняла голову, посмотрела на Машу уже не серыми, а чёрными от злости глазами. Улыбнулась.

И щёлкнула пальцами.

Настя потеряла сознание. В то же мгновение на пол рухнула Маша.

Очнулась Настя в медпункте. Лежала на белой кушетке. Голова болела после удара. Она пошевелила руками — вроде всё цело.

Открыла глаза и увидела на соседней кушетке своё тело. Без сознания.

Настя закричала.

Она не сразу заметила, что рядом с её телом сидит Саша и держит его за неподвижную руку.

— Очнулась? — грубо спросил он девочку.

— Что происходит? — прошептала Настя не своим голосом.

— Это лучше ты мне расскажи, Маша! — потребовал парень.

— Я не...

— Заткнись! — перебил он.

— Саша, что происходит? У меня болит голова.

— Мы с тобой всё обговорили. Я сказал, что ты мне не нравишься. Тот поцелуй между нами был ошибкой. Я люблю Настю.

Саша склонился над телом девочки и крепко сжал её руку.

— Я не мог даже представить, что ты, обезумев от ревности, совершишь с ней такое! Это подло и низко! Она же твоя подруга!

— Поцелуй... — протянула Настя. — Они целовались.

— Посмотри, что ты с ней сделала! А если она не очнётся?

— Я не хотела... я не знала, как такое возможно.

— Если ты её хоть пальцем тронешь, — Саша подошёл вплотную и схватил её за шею, — я тебе шею сверну! Поняла?

Настя кивнула. Проглотила ком в горле.

— А теперь вали в свою комнату и молись, чтобы Настя очнулась!

Она вышла из медпункта и закрыла дверь. Зашла в туалет. Включила холодную воду, умылась. Посмотрела в зеркало — и увидела лицо Маши.

Девочка закричала.

«Что я сделала? И как теперь всё вернуть обратно?»

Она вспомнила: перед тем как очнуться в теле Маши, она смотрела на неё и щёлкала пальцами. Значит, нужно сделать то же самое — только наоборот.

Настя побежала в спальню, села на кровать Маши, закрыла глаза, вспомнила своё отражение и щёлкнула пальцами.

Она открыла глаза и увидела Сашу. Тот сидел рядом, склонив голову, и не отпускал её руку.

Настя выдохнула — громко, облегчённо.

Саша поднял голову. Увидел, что она очнулась, заулыбался и кинулся обнимать.

— Настя, ты очнулась! Я так рад! — он крепко прижал её к себе.

— Не так сильно, а то ребра сломаешь, — прохрипела она.

— Прости меня! — виновато сказал он. — Это всё из-за моей глупости. Если бы я сразу всё обозначил, ты бы здесь не лежала.

— Всё нормально, — успокоила она. — Ведь ты всё понял. Значит, меня не зря отпинали.

— Даже в такой ситуации ты остаёшься светлой и позитивной. За это я тебя и люблю.

— Лю...

Саша поцеловал её.

Это был их первый поцелуй. По телу пробежали приятные мурашки. Тепло наполнило их светом и любовью.

Настя почувствовала это. Но внутри уже зарождалась острая, поглощающая боль. Она поняла: Саша целовался с Машей. А ведь говорил, что любит её.

Настя ничего не сказала. Она осталась одна с этой болью.

В её голове созрел план. Она осознала своё могущество. Но понимала: играет по-крупному. Если у неё ничего не получится, она потеряет единственную любовь, которую так долго ждала.

Ничто не мотивирует женщину так, как тот факт, что её любимый не выбрал её.

В следующую ночь Настя пришла в спальню к Саше. Он не спал — будто ждал её.

— Саш, ты не спишь? — она села на край кровати.

— Я знал, что ты придёшь.

— Завтра в полночь мы сбежим, — прошептала она. — Вместе.

— Как? Меня охраняют. Спецслужбы. Если я покину территорию, меня задержат.

— Доверься мне. В полночь у ворот будет машина заведующей. Садись в неё.

— Ты уверена?

— Я уверена.

Настя смотрела в глаза Саше и искренне верила, что у них всё получится. Вот они — молодые, влюблённые, счастливые. Будут жить как в сказке. Долго и счастливо. А главное — вместе.

Влюблённость помешала ей здраво продумать план.

Настя не спала всю ночь. Просчитывала каждый шаг. Утром вела себя как обычно — не показывала тревожности.

Маша не могла понять, почему в столовой она потеряла сознание после взгляда Насти. «Что-то с ней не так, — думала она. — Быть может, тогда она не врал про свой дар?»

За завтраком Саша подсел к Маше.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — испуганно ответила она.

— Прости за вчерашнее. Я вспылел. Не хотел хватать тебя за шею.

— Что? — удивилась она, вытаращив глаза.

— Вчера в медпункте я накричал на тебя и...

Саша остановился.

— Маш, просто прости меня.

— За что? Я не понимаю.

— Скажи «прости» — и я отстану. Возможно, это наш последний разговор.

— Прощаю, — безразлично сказала она.

— Спасибо, — улыбнулся Саша. — Удачи.

И ушёл.

Заведующая Наталия Руслановна припарковала машину у ворот. Как всегда. Она водила старый красный седан. По звуку мотора воспитанники знали, когда она приезжает и уезжает.

В этот день она припозднилась. Мчалась к калитке, не заметив, как мимо неё прошмыгнула Настя.

— Доброе утро, Наталия Руслановна, — поздоровалась та.

Женщина кивнула.

Поравнявшись с ней, Настя сунула руку в карман её пальто и вытащила ключи от машины. Заведующая не заметила.

Наталия Руслановна забежала в кабинет, где разрывался телефон.

— Алло, я слушаю, — ответила она.

— Почему так долго? — недовольный мужской голос.

— Извините, пробки.

— Вы в курсе, какой сегодня день?

— Да.

— Всё готово?

— Мальчик будет доставлен в полночь.

— Надеюсь, обойдёмся без опозданий. В ваших интересах.

Разговор закончился. Женщина положила трубку. Только ближе к концу рабочего дня и глубокого вечера, она заметила пропажу ключей из кармана пальто.

Она не знала, что в машине уже сидят двое подростков.

Настя на заднем сиденье, Саша на пассажирском.

— Садись. Нагнись.

Настя легла на заднее сидение. Наталия Руслановна вышла из здания, села за руль. Дёрнула за дверь — открыто.

«Опять забыла ключи в замке», — подумала она.

— Добрый вечер, Наталия Руслановна, — раздался шёпот сзади.

Женщина резко обернулась.

— Настя? Что ты здесь делаешь?

— Мы покидаем детский дом, — сказал Саша.

— Саша? А ты что тут делаешь?

— Включите свет в машине и посмотрите в зеркало заднего вида, — тихо сказала Настя.

Заведующая повиновалась. Настя всмотрелась в её отражение и щёлкнула пальцами.

Наталия Руслановна рухнула на руль. Настя — на заднее сиденье.

В ту же секунду женщина выпрямилась.

— Поехали, — сказала Настя голосом заведующей.

— Настя? — испуганно прошептал Саша.

— Тише. Я здесь.

— Как такое возможно?

— Сама не знаю. Но видишь.

Настя нажала на газ. Машина выехала.

— Ты умеешь водить? — спросил Саша.

— В кино видела. Хорошо, что у неё автомат.

Они выехали на шоссе. Время близилось к одиннадцати.

Неожиданно зазвонил телефон заведующей.

— Ответь, — сказал Саша.

— Наталия Руслановна, почему вы едете на вокзал? — спросил мужской голос.

— Потому что так надо.

— Мы договаривались, что вы доставите мальчика к полуночи. Что за выходки?

— Какие выходки? Вы кто?

— Тот, кто одним звонком может сломать вашу жизнь.

— Я не боюсь.

— Не играйте с судьбой. Останавливайте машину. Мы знаем, что мальчик в машине.

— Попробуйте забрать его, — ответила Настя и бросила телефон на заднее сиденье.

— Кто звонил?

— Какой-то мужик, — сказала она. — По твою душу. Хотят, чтобы я остановилась и отдала тебя. Этому не бывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.